

Р. Н. Рахимов

**МЕЖДУ ЧУМОЙ И ХОЛЕРОЙ:
ИРРЕГУЛЯРНЫЕ ВОЙСКА ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ
В БОРЬБЕ С ЭПИДЕМИЯМИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.**

doi: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-14-20

УДК 94(470.5)“18”

ББК 63.3(235.55)47

В первой трети XIX в. иррегулярные войска Оренбургского края (Уральское и Оренбургское казачьи, Башкиро-мещеряжское, Ставропольское калмыцкое и конные полки тептярей) массово привлекались к несению карантинной службы. Во время первой эпидемии холеры в 1829–1832 гг. военное руководство края в целом выбрало верную стратегию, создав с врачами совещательный орган, введя в действие Карантинный устав и направив мобильные иррегулярные войска для несения карантинной службы на границе и внутри губернии. Высокую степень понимания ситуации, связанной с карантинными мероприятиями, проявило местное население. Оно самостоятельно организовывало карантинные посты, проявило доверие к врачам, содержало за свой счет пикеты и линии иррегулярных войск, что позволило в конечном счете одержать в губернии победу над холерой. Одновременно в губернии населением устанавливались местные карантинные меры, связанные с эпизоотиями. С эпидемией чумы в это же время столкнулись направленные на границу с Турцией и участвовавшие в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. смешанные полки оренбургских казаков и башкир. Кроме участия в боевых действиях они содержали карантинные линии и посты. По массовости привлечения к санитарно-эпидемиологическим мероприятиям иррегулярные войска Оренбургского края были вторыми после донских казаков. Первый опыт привлечения данного типа войск к борьбе с эпидемиями в таком масштабе оказался в целом удачным. Успешное осуществление карантинных мер казаками и башкирами Оренбургской губернии опиралось на опыт пограничной службы, предыдущего массового участия в русско-турецкой и наполеоновских войнах, интегрированность в управленческие институты империи.

Ключевые слова: Оренбургская пограничная линия, юго-восточный фронт, оренбургские казаки, Башкиро-мещеряжское войско, эпидемия, карантин, чума, холера

В первой трети XIX в. Оренбургская губерния представляла собой юго-восточный фронт России. Подвижная граница, необходимость ее устройства и освоения края вели к постепенному проникновению имперских институтов на национальную окраину, сохранявшую архаику. Одновременно местная администрация решала вопросы интеграции Казахской степи и торговли с Туркестаном. Для защиты границы и продвижения в степь при дефиците частей регулярной армии, в крае несли службу четыре иррегулярных войска (Уральское (существовало с XVI в.) и Оренбургское казачьи, Башкиро-мещеряжское, Ставропольское калмыцкое (крещенные калмыки)) и конные полки тептярей (многонациональное сословие, состоящее из нерусских народов Поволжья и Приуралья).

Служба в национальных войсках, кроме непосредственно боевого применения, имела интегративный характер, вовлекая местные элиты в структуры Российской империи (появилось башкирское и мещеряжское дворянство). Высокая степень милитаризации народов края позволяла не только охранять границу, но и участвовать в боевых действиях российской императорской армии за пределами края, а также нести пограничную службу на дальних рубежах. Первая треть XIX в. дала интересный опыт массового привлечения иррегулярных войск к несению еще одной опасной службы — карантинной, сопряженной с угрозами распространения эпидемий холеры и чумы.

Цель настоящей статьи — анализ первого опыта привлечения иррегулярных войск Оренбургского края к карантинным мероприятиям, проводимым правительством в условиях как мирного, так и военного времени. Мы считаем, что опыт постоянной пограничной службы, массового участия иррегулярных войск края в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг., наполеоновских войнах 1806–1814 гг. — театрах

Рахимов Рамиль Насибуллович — к.и.н., заведующий кафедрой истории России, историографии и источниковедения, Башкирский государственный университет (г. Уфа)
E-mail: rakhimovrn@mail.ru

военных действий в разных климатических и природных условиях — позволил в целом достичь положительного результата в борьбе с эпидемиями холеры и чумы.

Первая эпидемия холеры в России в 1829–1833 гг. и действия правительства по ее лечению отражены в дореволюционной и советской исторической науке.¹ В российской историографии в последние годы опыт санитарно-эпидемиологических мероприятий изучается медиками.² Кроме того, обращается внимание на организацию медицинского дела в Казахской степи, борьбу с эпидемиями через контроль распространения опасных болезней среди ее жителей.³ По мнению А. Афанасьевой, этим решалось сразу несколько проблем. Внедрение медицинской организации западного типа в Казахской степи, кроме санитарных целей, выполняло функцию «инструмента империи» на национальной окраине.⁴ Вопросы борьбы с эпидемией чумы, наложившейся на события Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., также рассмотрены отечественной историографией.⁵ А вот историография работ, посвященная непосредственно привлечению иррегулярных войск к несению карантинной службы, отсутствует. Лишь в ряде публикаций сообщается информация об участии в противоэпидемио-

логических мероприятиях казаков, башкир, калмыков, частей и подразделений иррегулярных войск Оренбургского края.⁶

Первые случаи применения войск в санитарных целях

Близость азиатской границы и меновая торговля, основу которой составлял скот, несли в себе опасность передачи заразных болезней, возникновения эпидемий и эпизоотий. В России для этих случаев был разработан и должен был применяться достаточно продуманный Карантинный устав, одновременно требовалось развитие медицинских учреждений в приграничных районах. При неразвитости в целом в России медицинской службы власти Оренбургской губернии и военное командование (Отдельный Оренбургский корпус) стремились распространить ее и в иррегулярных войсках. Первые медики в них появились в связи с тем, что в крае, как и по всей России, с 1811 г. была организована работа по оспопрививанию населения. В Башкиро-мещерякском войске она шла с 1820-х гг. Общеимперский проект стал основой приобщения к медицинским вопросам всего населения. Это имело положительное значение для противостояния будущим пандемиям, поскольку обществу были проговорены и объяснены механизмы вакцинации, продемонстрирована на примерах польза таких мероприятий, было сформировано доверие к врачам.

В 1827 г. военным губернатором были приняты меры по подготовке фельдшеров в Башкиро-мещерякском войске. В это время при Оренбургском военном госпитале была учреждена школа для обучения солдатских детей фельдшерскому делу. В нее, по указанию императора, из каждого башкирского и мещерякского кантона (военно-административная единица) назначались для обучения мальчики.⁷ В Казанский университет в 1832 г. для обучения медицине были направлены более 90 юношей из башкир, мишарей и татар.⁸ Этому решению предшествовало обнаружение венерических заболеваний в войске. Скорее

¹ См.: Попов А. В. Холера 1829–33 годов в Оренбургском крае // Тр. Оренбур. уч. архив. комиссии. Оренбург, 1910. Вып. 21; Павловская Л. Е. Холерные годы в России. СПб., 1893; Пузырев К. В. Описание хода повальной болезни, называемой холерою, открывшейся 1829 года с наступлением осени в городе Оренбурге и Оренбургском уезде, с изложением способа лечения, составленного лекарем первого отдела Пузыревым К. В. Казань, [1829]; Собрание актов и наблюдений, относящихся к холере, бывшей в конце 1829 и в начале 1830 годов в Оренбургской губернии. СПб., 1830; Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России (материалы и очерки). М., 1960.

² См.: Еловицова Е. С., Ляшенко И. Э., Долгов А. М. Клинические наблюдения неврологической симптоматики холеры в период первой эпидемии в Оренбургском крае (гносеологический аспект) // Клиническая неврология. 2013. № 4. С. 39–41; Ляшенко И. Э. Историографическое значение монографии К. В. Пузырева о первой эпидемии холеры в Оренбургском крае (1829–1833) // Вестн. Оренбур. гос. ун-та. 2017. № 4 (204). С. 62–64; Ляшенко И. Э., Желтова В. И., Скачков М. В. Из истории борьбы с холерой в Оренбургском крае (к 175-летию первой эпидемии холеры в Оренбурге) // Эпидемиология и вакцинопрофилактика. 2005. № 1 (20). С. 59, 60.

³ См.: Альпыспаева Г. А., Саяхимова Ш. Н., Джумалиева Л. Т. Организация медицинского обслуживания во внешних округах Среднего жуза в 20–60 годы XIX в. // Былые годы. 2019. Т. 51, вып. 1. С. 176–187; Афанасьева А. «Освободить... От шайтанов и шарлатанов»: дискурсы и практики российской медицины в Казахской степи в XIX века // Ab Imperio. 2008. № 4. С. 113–150.

⁴ См.: Афанасьева А. Указ. соч. С. 149, 150.

⁵ См.: Васильев К. Г., Сегал А. Е. Указ. соч. К сожалению, в настоящее время опубликован ряд работ, представляющих компиляцию данного труда.

⁶ См.: Кузнецов В. А. Военная служба полков Оренбургского и Уральского казачьих войск после Отечественной войны 1812 года // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2009. № 12 (150). Вып. 31. С. 63–68; Надергулов М. Х. Ценный источник мемуарной литературы XIX века // Феномен Евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2009. С. 216–219; Торнау Ф. Ф. Воспоминания русского офицера. М., 2002.

⁷ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2017. Л. 43–44об.

⁸ Там же. Д. 3587. Л. 99–104об.

всего, они были завезены командированными в 1831 г. в Польшу в составе 5 полков башкирами. С 1832 г. по решению Оренбургского военного губернатора стали практиковаться командировки фельдшеров в кантоны для лечения таких заболеваний, как «закрытие глаз темной водой, золотушными и цингошными ранами и тому подобными заразительными болезнями».⁹

Таким образом, определенные меры по подготовке медицинских кадров власти принимали, но они носили ситуативный характер и не удовлетворяли потребности войска и тем более населения в квалифицированных медиках. К оказанию медицинской помощи населению кроме городских больниц привлекались врачи Оренбургского военного госпиталя и полковые врачи.

Один из первых случаев применения иррегулярных войск в борьбе с опасными явлениями природы относится к лету 1785 г. В это время на территории Оренбургской губернии распространилась саранча, перелетавшая из-за р. Урал. Несшие службу на Оренбургской пограничной линии башкиры отгоняли ее криком и стрельбой из ружей. Эти подробности в донесении от 13 августа сообщил императрице Екатерине II губернатор О. А. Игельстром.¹⁰ Появление саранчи было единичным явлением.

В годы наполеоновских войн наблюдалось массовое использование иррегулярной конницы. Кроме непосредственно военной службы, часть полков выполняла задачи военно-административной службы в тылу, сопровождала транспорт, пленных, содержала «летучие почты», несла комендантскую службу. Одним из таких случаев была военно-полицейская служба в освобожденной от французов Москве, которую осуществлял 1-й Мещерякский полк с декабря 1812 по 1817 г. Он вместе с силами полиции выполнял и санитарные задачи. Так, например, очистка города подразумевала вывоз и сожжение 11 955 человеческих трупов, а также трупов лошадей. Тяжелые условия службы привели к тому, что полк, не принимая ни одного дня участия в боевых действиях, потерял от заболевания 21,6 % своего состава.¹¹ С 1808 по 1828 гг. полки Оренбургского казачьего войска, постоянно сменяя друг друга,

несли кордонную службу по р. Прут и Днестр на границе с турецкими владениями, где фиксировались отдельные вспышки чумы.

Холера

В истории холеры выделяют первую волну пандемии в 1817–1823 гг., вторую в 1826–1837 гг. В России впервые холера появилась в 1823 г. в Астрахани, но принятые меры не дали ей распространиться. Во вторую пандемию холера, пришедшая из Бухары через казахские степи, через Оренбург в 1829 г. проникла в Россию, а затем перешла в Европу.

Зимой 1828–1829 гг. в Оренбурге ходили слухи о загадочной болезни в Бухаре, от которой умирают люди. Летом власти, обеспокоенные слухами, начали целенаправленно собирать сведения об этой болезни и принимать меры предосторожности. Они заключались в опросах караванщиков о больных и умерших, а также организованной карантинной стоянке каравана в отдельно выделенном месте в степи. На основании информации, полученной от опрошенных о течении болезни, штаб-лекарь Отдельного Оренбургского корпуса Пятницкий сделал заключение о том, что речь идет о холере. Военный губернатор П. К. Эссен собрал совещание с врачами, но все меры по принятию карантина оказались запоздалыми, первые караваны смогли пройти таможенную, и товары поступили в продажу. Власти посчитали, что этот караван не имел зараженных людей и товаров. Карантинные мероприятия были сняты. Большой ошибкой было то, что врачи отказывались считать холеру заразной болезнью.

В сентябре 1829 г. началась эпидемия. Из Оренбурга она быстро перекинулась в города и станицы губернии. Специально созданный совет при военном губернаторе 4 октября постановил прекратить сношения с населенными пунктами, где были выявлены заболевшие, ввод в действие Карантинного устава оставался за местными властями.¹² Уже 6 октября Оренбург был обнесен карантинной цепью из двух сотен 2-го Тептярского и двух сотен Оренбургского казачьего полков. Через каждые 50 саженей располагались по два казака, объезжавшие свой участок.¹³ Карантинную цепь также протянули от Оренбурга до Илецка. Торговля с Азией была остановлена, сношения со степью прекращены. Врачи были привлечены

⁹ Там же. Д. 3018. Л. 26.

¹⁰ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 1. Л. 18–18об.

¹¹ См.: Рахимов Р. Н. На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII — первой половине XIX в. М., 2014. С. 358–360.

¹² См.: Попов А. В. Указ. соч. С. 73.

¹³ См.: Там же.

для оказания помощи населению с выездами в места, где произошли вспышки заболевания. К ноябрю эпидемия прекратилась.

В 1830 г. новым Оренбургским военным губернатором стал граф П. П. Сухтелен. Были приняты меры для встречи караванов. Они брались под охрану тептярями и казаками. На специальных стоянках караваны проходили 21-дневную обсервацию, товар окуривался хлором. Однако принимаемые меры были не в силах остановить новую волну эпидемии. Холера поразила Астрахань, Гурьев, Уральск, преодолела границы Оренбургской губернии и начала распространяться по России.

Вновь были привлечены иррегулярные войска — для карантинных линий. Кордоны, пикеты держались казаками, башкирами, калмыками.¹⁴ Содержание их перекладывалось на местное население. Осенью 1830 г. казаков не хватало, чтобы командировать их за пределы губернии. В 1831 г. вспышка холеры началась повсеместно в разных местах Оренбургской губернии и прекратилась к осени. Летом окончательно были сняты карантинные. Последним случаем использования иррегулярных войск в борьбе с эпидемией холеры в крае стало выставление в 1832 г. команд мещеряков Мензелинского и Бугульминского уездов в оцепленные холерной местности.

Благоприятным обстоятельством в борьбе с появившейся впервые в Европе холерой было то, что в Оренбургской губернии при ее появлении сразу был введен в действие Карантинный устав. Само население края было милитаризовано: казаки, башкиры, мещеряки, калмыки представляли собой военно-служилые сословия и подчинялись строгой дисциплине. Военный губернатор обладал неограниченными полномочиями.

Определенный интерес вызывает взгляд на эти события со стороны простых их участников. В 2009 г. М. Х. Надергуловым в научный оборот был введен арабографичный источник, хранящийся в архиве УФИЦ РАН, — воспоминания зауряд-хорунжего 7-го башкирского кантона Усмана Ишмухаметова, написанные последним в 1860-е гг.¹⁵ В них рассказывается о службе автора в Оренбургском сводном казачьем полку № 11 в 1830–1835 гг. Большой интерес вызывают страницы, касающиеся событий, предшествующих службе, — эпидемии холеры

1829 г. в Оренбургской губернии. Усман Ишмухаметов сообщает, что в этом году он решил пойти учиться в медресе. Выбор пал на медресе в Стерлибаше (современное Стерлибашево, Республика Башкортостан), однако когда он и его товарищи подошли к селу, то оказалось, что оно охраняется. Местные жители, выступающие в качестве своеобразной карантинной службы, потребовали показать съестные припасы (курут и мясо) и, посчитав, что они заражены, не позволили заносить их в село. Свои опасения охрана обосновывала тем, что в той местности, откуда были молодые люди, наблюдался падеж коров.¹⁶ Неутомимый молодой человек решил идти учиться к духовному наставнику Мамбеткулу, но, услышав о распространении холеры в деревне, где тот жил, Усман передумал. В мемуарах он сообщил, что «в этот 1829 год осенью погибло много людей в городах Оренбург, Каргалы и других местах».¹⁷

В 1830 г. холера из Оренбурга дошла до Одессы и пошла дальше в Молдавию и Валахию. Башкирский мемуарист Усман Ишмухаметов попал на службу в Оренбургский казачий полк № 11 и в мае 1830 г. отправился с ним в Херсонскую губернию. Там он и его товарищи «должны были охранять карантин..., построив шатер площадью в двести сажень и стоя в карауле, должны были никого не выпускать и не впускать на территорию губернии».¹⁸ Он сообщает, что в течение двух месяцев они несли службу, и в то время от холеры «ежедневно умирали двести человек».¹⁹

Итак, мы видим, что в губернии население было достаточно информировано о случаях эпидемии и эпизоотий и принимало меры: были организованы локальные карантинные с целью ограничения контактов между людьми и введен запрет на хранение и употребление продуктов, произведенных в местностях с массовым падежом скота. Разумное принятие решений, связанное с учетом фактора распространения болезни, описано на примере рассуждений мемуариста о болезни в деревне, куда он намеревался пойти. К чести врачей было и то, что полученный в ходе борьбы с холерой опыт они попытались распространить, выпустив печатные издания.²⁰

¹⁶ См.: Документы и материалы по истории башкирского народа (1790–1912). Уфа, 2012. С. 175.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Документы и материалы... С. 176.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Пушурев К. В. Указ. соч.; Собрание актов и наблюдений, относящихся к холере...

¹⁴ См.: Там же. С. 223, 224.

¹⁵ См.: Надергулов М. Х. Указ. соч. С. 216–219.

Необходимо понимать, что, несмотря на холеру, порядок несения службы на Оренбургской пограничной линии не менялся, в губернии формировались и направлялись на линейную службу команды башкир, казаков, и в 1831 г. среди них имели место заболевания. В этом случае военные врачи принимали меры изоляции заболевших таким образом, чтобы не произошло массового заражения.

Чума

Сложные задачи совмещения военных действий, охраны коммуникаций, пограничной службы с санитарными мерами (карантином) пришлось решать за счет иррегулярных частей войск Оренбургского края, направленных на юго-западную границу империи. Они приняли участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и подавлении польского восстания в 1830–1831 гг.

В 1828 г. российская армия под командованием генерал-фельдмаршала князя П. Х. Витгенштейна форсировала р. Дунай, затем осадила крепости Варну, Силистрию, Браилов, Шумлу. На следующий год, нанеся ряд поражений туркам, российская армия перешла Балканы и оказалась у Константинополя. На Кавказе русские войска были у Трапезунда. Все это привело к заключению Адрианопольского мира. Боевые действия осложняла эпидемия чумы, от которой потери были выше военных. Через год часть войск была направлена в Польшу для участия в боевых действиях против польских повстанцев.

В боевых и карантинных действиях 1828–1832 гг. в Бессарабии и Польше приняли участие пятисотенные полки: 1-й и 2-й Башкирские, Уральский казачий № 4, Оренбургские сводные казачьи № 8 и 11, состоявшие наполовину из казаков и башкир, и Оренбургский казачий № 9. В Литве воевал 2-й Тептярский полк, затем присоединились пять башкирских полков, направленных для сопровождения военнопленных поляков. По штату полки состояли из 19 офицеров, 21 урядника, 550 нижних чинов.

В июле 1828 г. 1-й Башкирский полк нес пограничную службу (на кордонах) на р. Днестр между Ямполем и Григориополем, а 2-й между Григориополем и Днестровским лиманом. В августе с началом войны оба полка перевели на р. Прут. В это время они находились в III резервном кавалерийском корпусе генерал-лейтенанта графа И. О. де Витта. В декабре 1-й Башкирский полк квартировал в крепости

Измаил, 2-й в крепости Килия. По окончании войны в 1830 г. полки вернулись в губернию.

Оренбургский сводный казачий полк № 8 (есаул Ваулин) был командирован в Херсонскую губернию на смену Оренбургскому казачьему полку № 6 для несения пограничной службы на Днестре и Днестровском лимане.²¹ В декабре 1828 г. полк был направлен во 2-ю армию и переведен в Бессарабию на Прут и Дунай. Здесь ему пришлось содержать по случаю эпидемии чумы карантинные кордоны и пикеты, осуществлять «летучую почту», конвоировать транспорты.

Оренбургский сводный казачий полк № 11 (войсковой старшина П. П. Нагашев) был командирован в Херсонскую губернию для несения карантинной службы на кордонах и постах в г. Тирасполе и на р. Днестр. В декабре 1830 г. он и 8-й полк были направлены в Польшу, где приняли участие в боевых действиях. В 1832 г. полк № 11 переведен полностью в Бессарабию, где принял от Оренбургского казачьего полка № 9 карантин на р. Прут и обязанность содержать «летучую почту». В феврале 1835 г. полк вернулся в губернию.

Вспышка чумы была зафиксирована в 1819 г. в Яссах и других городах.²² Принятие жестких карантинных мер смогло предотвратить ее распространение. С началом боевых действий начались случаи заражения чумой. Для борьбы с ней предпринимались такие меры, как карантин, окуривание хлором, дезинфекция уксусом, создание чумных госпиталей. Если в 1828 г. наблюдались небольшие вспышки чумы, то в 1829 г. она приобрела характер эпидемии. Связано это было с нерешительностью в отношении болезни со стороны командования, противоречивыми советами врачей, вплоть до отрицания болезни, что привело к потере времени и утрате контроля над болезнью.

Ситуацию с чумой в 1829 г. описал очевидец, офицер русской армии Ф. Ф. Торнау: «По всей дороге я находил опустелые станции; ямщики, пережившие заразу, скрывались в лесу; лошади паслись без надзора около воды, где она имела, а где ее не было, там гнили только их остовы; из некоторых станционных домов не были даже убраны людские трупы; нередко приходилось с казаком, данным мне в прожатые от главной квартиры до Браилова, ловить лошадей и самим закладывать их,

²¹ См.: Кузнецов В. А. Указ. соч. С. 65.

²² См.: Васильев К. Г., Сегал А. Е. Указ. соч. С. 233.

рискуя зачумиться от сбруи, и потом ехать до следующей станции без ямщика, сдавая лошадей постовым казакам или бросая на произвол судьбы без дальнейших околичностей».²³ Он же описал действия казаков на карантинных постах: «В город меня не впустили, заставив тюки с бумагами перекинуть через рогатку; длинными щипцами срывали упаковку, потом надкалывали конверт и окуривали хлором».²⁴ Кроме того, проходящим войскам, как он сообщает, было приказано сжигать все, что будет найдено на дороге: повозки, платье, товар.

Спасением стал жесткий карантин. К апрелю 1830 г. эпидемия стихла. Такая же ситуация с чумой была и в Кавказской армии. Однако ее командующий граф И. Ф. Паскевич сразу принял строжайшие меры карантина и санитарной обработки войск, что не позволило развиться эпидемии. Печальным итогом неразберихи в отношении мер против болезни со стороны командования было то, что русская армия, воевавшая на Балканах с мая 1828 г. по июль 1830 г., потеряла из-за чумы 23 098 человек, а погибшими в боях и умершими от ран — около 20 000.²⁵

В 1829–1832 гг. иррегулярные войска Отдельного Оренбургского корпуса: Уральское и Оренбургское казачьи, Ставропольское калмыцкое и Башкиро-мещеряцкое, и тестьери несли пограничную службу на юго-восточной и юго-западной границах империи, участ-

вовали в боевых действиях Русско-турецкой войны, польского восстания. Новым видом службы стали санитарно-эпидемиологические мероприятия, направленные на предотвращение распространения холеры и чумы в местах квартирования и боевых действий. После донских казаков иррегулярные войска Оренбургского края были вторыми по численности включенными в процессы санитарно-эпидемиологических мероприятий. Можно отметить, что впервые в истории России иррегулярные войска столь массово применялись для карантинной службы. Первый опыт оказался удачным, на его основе впоследствии при появлении новых угроз пандемий принимались продуманные меры.

Успешность осуществления карантинной службы была связана с фронтальным опытом, службой на беспокойной границе казаков, башкир, мещеряков, калмыков. Нахождение в военно-служилом состоянии интегрировало народы в управленческие структуры империи. Все решения командования реализовывались оперативно, организовано, без проявления паники. Так поступало и многонациональное население. Как показывают источники, осознавая опасность болезни, оно само принимало превентивные меры карантинной организации, признавая полезность научных методов борьбы с эпидемией, выполняло требования врачей, помогало содержать посты и карантинные цепи, что способствовало успеху в борьбе с эпидемией.

Ramil N. Rakhimov

Candidate of Historical Sciences, Bashkir State University (Russia, Ufa)

E-mail: rakhimovrn@mail.ru

BETWEEN PLAGUE AND CHOLERA: IRREGULAR TROOPS OF THE ORENBURG REGION IN THE FIGHT AGAINST EPIDEMICS OF THE FIRST THIRD OF THE 19th CENTURY

The first third of the 19th century gives an example of the massive involvement of the irregular troops of the Orenburg region (the Ural and Orenburg Cossacks, Bashkir-Meshcheryak, Stavropol Kalmyk, Teptyar horse regiments) in the quarantine service. During the first 1829–1832 cholera epidemic the region's military leadership adopted the correct strategy, creating an advisory body with doctors, introducing the Quarantine Regulations, sending mobile irregular troops to carry out quarantine services on the border and inside the province. The local population showed a high degree of understanding of the situation related to quarantine measures. It independently organized quarantine posts, showed confidence in the doctors, maintained pickets and lines of irregular troops at its own expense, which ultimately made it possible to defeat cholera in the province. The region's population also initiated local quarantines related to epizootics. At the same time, mixed

²³ Торнау Ф. Ф. Указ. соч. С. 72.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Васильев К. Г., Сегал А. Е. Указ. соч. С. 235.

regiments of the Orenburg Cossacks and Bashkirs sent to the border with Turkey and participated in the Russian-Turkish war of 1828–1829 faced an epidemic of plague. In addition to participating in hostilities, they maintained quarantine lines and posts. In terms of mass involvement in sanitary and epidemiological measures, the irregular troops of the Orenburg region were second after the Don Cossacks. The first experience of involvement of irregular troops in the fight against epidemics on this scale has been generally successful. The successful implementation of quarantine measures by the Cossacks and Bashkirs of the Orenburg province was based on the experience of the border service, the previous massive participation in the Russian-Turkish and Napoleonic wars, integration into the empire's administrative institutions.

Keywords: *Orenburg border line, southeastern frontier, Orenburg Cossacks, Bashkir-Meshcheryak troops, epidemic, quarantine, plague, cholera*

REFERENCES

- Afanasyeva A. ["To liberate. From shaitans and charlatans": discourses and practices of Russian medicine in the Kazakh steppe in the Nineteenth century]. *Ab Imperio* [Ab Imperio], 2008, no. 4, pp. 113–150. (in Russ.).
- Alpyspaeva G. A., Sayakhimova Sh. N., Dzhumaliev L. T. [Organization of Medical Service in the External Districts of the Middle Zhuz in the 20–60s of the 19th century]. *Bylye gody* [Bylye gody], 2019, vol. 51, iss. 1, pp. 176–187. DOI: 10.13187/bg.2019.1.176 (in Russ.).
- Dokumenty i materialy po istorii bashkirskogo naroda (1790–1912)* [Documents and materials on the history of the Bashkir people (1790–1912)]. Ufa: IYAL UNTs RAN Publ., 2012. (in Russ.).
- Elovikova E. S., Lyashenko I. E., Dolgov A. M. [Clinical observation of neurological symptoms of cholera during the first epidemic in the Orenburg region (epistemological dimension)]. *Klinicheskaya nevrologiya* [Clinical neurology], 2013, no. 4, pp. 39–41. (in Russ.).
- Kuznetsov V. A. [Military service of the regiments of the Orenburg and Ural Cossack troops after the Patriotic War of 1812]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2009, no. 12 (150), iss. 31, pp. 63–68. (in Russ.).
- Lyashenko I. E. [Historiographic significance of the monograph by K. V. Pupyrev about the first epidemic of cholera on the Orenburg territory (1829–1833)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], 2017, no. 4 (204), pp. 62–64. (in Russ.).
- Lyashenko I. E., Zheltova V. I., Skachkov M. V. [From the history of cholera control in the Orenburg region (to the 175th anniversary of the first cholera epidemic in Orenburg)]. *Epidemiologiya i vaksino profilaktika* [Epidemiology and vaccinal prevention], 2005, no. 1 (20), pp. 59–60. (in Russ.).
- Nadergulov M. Kh. [A valuable source of memoir literature of the 19th century]. *Fenomen Evraziystva v material'noy i dukhovnoy kul'ture, etnologii i antropologii bashkirskogo naroda. Materialy Vseross. nauch.-praktich. konf.* [The phenomenon of Eurasianism in material and spiritual culture, ethnology and anthropology of the Bashkir people. Materials of the All-Russian Sci.-Pract. Conf.]. Ufa: IYAL UNTs RAN Publ., 2009, pp. 216–219. (in Russ.).
- Rakhimov R. N. *Na sluzhbe u "Belogo tsarya". Voyennaya sluzhba nerusskikh narodov yugo-vostoka Rossii v XVIII — pervoy polovine XIX v.* [In the service of the "White Tsar". Military service of non-Russian peoples of the southeast of Russia in the 18th — first half of the 19th century]. Moscow: RISI Publ., 2014. (in Russ.).
- Vasiliev K. G., Segal A. E. *Istoriya epidemiy v Rossii (Materialy i ocherki)* [History of epidemics in Russia (Materials and essays)]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo meditsinskoy literatury Publ., 1960. (in Russ.).